Классики юмора

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Добрый смех продлевает жизнь, добрый юмор порождает смех. А герои этой юмористической книжки то и дело попадают в самые невероятные, нелепые, комично-трагичные, остросюжетно-мистические и, несомненно, смешные истории. Общественный сарказм и политическая ирония, новый взгляд на старую революцию, любовь, дружба, воры и чиновники, а также черти и их ставленники как вечные вершители бесовского правосудия — все в одном флаконе. А если кому покажется не смешно, придет Юраня и объяснит, что тут у нас и почем.

ВНИМАНИЕ: Автором установлено возрастное ограничение. Поэтому малолеткам следует подождать, пока им не исполнится 18+

При создании обложки, использовал изображение, предложенное автором. Иллюстрации подобраны им же.

- Юрий Котляров
  - С русалкой
  - Финиш браконьера
  - Легенда о черном инспекторе
  - Катька
  - Ветеран резинового флота
  - Маврик, психи и инспекция
  - Дедушка сом
  - Революция, господа-товарищи!
  - Притон
    -
    - Случай, который напомнил негр
    - Факт истории, рассказанный негром
    - Но вернемся к дурной 13-й квартире
    - Еще один исторический факт, рассказанный негром
  - Тревожная любовь махновца

- Воры и коммерсанты
  -
  - Контора
  - Щука — выхлопная труба
  - Трагедия Толика

Юрий Котляров
Браконьеры судьбы. Рассказы

С русалкой

Жил-был браконьер Маврик. И его никто не мог поймать. Ни рыбнадзору, ни инспекции по маломерным судам, ни даже экологической полиции не под силу было справиться с этой нелёгкой задачей. А все потому, что была у него кепка фартовая, которую он на рынке у старухи цыганки купил за три рубля. Да ещё, напевал он песенку собственного сочинения на мотив Яшки цыгана из «Неуловимых мстителей»:

Мне бы лодку, два весла,
Да сеточку заветную,
И тогда искать меня
Вам я не советую…

Но вот однажды в промозглую тёмную ночь, когда ставил он сети в пучину речную, поднялся сильный северный ветер, и повлекло Маврика в места гиблые, закоряженные.

Гребёт он супротив ветра изо всех сил, старается. Час плывёт, второй, а не движется лодка, стоит, как вкопанная. Уже и ветер стих, и луна на посадку пошла, и силушка его рыбацкая на исходе — никак не сдвинуться с места ему. Догадался он тут назад обернуться. Глядь, а за спиной на коряге русалка прекрасная возлегает, грудями колышет, и длинным когтистым пальцем, как крючком, за хлястик его фуфайки держит.

А надо ещё сказать, что не робкого десятка Маврик был человек, и красоток разных повидал немало, но перепугался вусмерть и молитвочки ни единой не вспомнил со страху, а может и не знал никогда.

Что там было у них аж до самого рассвета, Маврик умалчивает. Всё он видел в бездонных глазищах русалочьих: и тоску девичью безысходную, и жизнь свою распутную, и даже повысят ли акцизы на пиво или понизят.

Перестал Маврик с тех пор сети ставить в реке — вдруг там дети его незаконнорожденные резвятся курносые, конопатые. Спрашивают мамку: «Где папка наш родный, как увидеть его, приласкаться, утешиться?»

Так что имейте с собой, ребята, всегда в памяти молитву православную — пусть оградит она вас от нечистой силы недремлющей.

Да грешите поменьше…

Аминь.

Финиш браконьера

Говорила мамка Маврику: «Не связывайся с Юраней, не доведет он тебя до хорошего». Да и сам Серега не хотел ехать на рыбалку в эту чертову дыру, которую даже егеря обходили стороной. Но когда Юраня показал, какие там лини здоровенные ловятся, — сразу согласился. Да и ни один нормальный рыбак не отказался бы от такого счастья.

Сам Юраня излазил все приличные по области места, но это было самым заветным.

До Нетопыри доскочили влет, оставалось шестнадцать километров по лесным просекам к болоту с двумя соединяющимися озерами, на берегу которых у дубовой рощи несколько заросших погребов, напоминающих о вымершей деревне. Деревню эту основали два французских солдата наступающей наполеоновской армии, служившие при обозе, который отбил под Смоленском эскадрон удалых казаков Войска Донского. Обозников сходу порубали со свистом, лишь юные Поль и Леон ходили в это время за дровами, а увидев резню, рванули к реке Десне и на подвернувшейся лодке спаслись вниз по течению.

Поскидав мундиры и прикинувшись глухонемыми дебилами, плыли они подальше от боевых действий, выпрашивая подаяние и одёжу у сердобольных крестьян. Географию друзья знали плохо, поэтому думали, что плывут в Париж, а приплыли к нам в брянский лес. Тут как раз морозы начались лютые, и вышли солдатики на избушку колдуньи с двумя дочерьми на выданье.

Ведьма давно уже их поджидала, она это все и наворожила, кстати, по своим каналам астральным, поэтому приворот французов к дочерям оформила быстро. Мальчики у них пошли, девочки, и основалась эта слободка. От нее теперь только погреба холмеют, давно уже никого здесь нет.

Вот сюда и пробирались ребята по перепутанным в буреломах просекам. Причем, сколько раз ни ездил тут Юраня, каждый раз блудил. Он и ленты на развилках к деревьям привязывал, и зарубки делал, все равно, видно, леший сбивал его с дороги. Только отчаянная молитва выводила на правильный путь. Да еще в Нетопыри у колодца мужик предупредил: если на рыбалку, бойтесь того, который сидит под дубом.

И правда, выехали к дубам, а там старичок сидит — метр двадцать ростом, в старинном, несмотря на жару, зипуне, с лохматой шевелюрой и всклокоченной бородой набекрень. И птичка на коленке щебечет.

Маврик возьми и брякни: «Парень, как проехать в библиотеку?» — а старичок так пронзительно зло зыркнул из-под нависших бровей, что заглохла машина, Юраня выскочил по-большому, а Маврик чуть сигарету не проглотил, удушливо закашлявшись. Глянули опять на старичка, а там только пень стоит, и птичка на нем чирикает.

Ну да ладно, приехали.

Сети ставили быстро. Атакующие без предупреждения оводы величиной с детский кулак, а с вечера тучи злющих комаров не давали расслабиться ни на секунду.

Стемнело. Взошла луна. Антикомарин не помогал, поэтому Юраня решил подремать на воде, там хоть ветерком обдувало. Отплыл от берега и услышал чьи-то голоса в заливе. Тихонько подгрёб, надеясь увидеть, кто сети ворует, выглянул из-за тростника и обмер…

В лунном свете, поджав куриные ножки и утробно поквакивая, на кочках сидели три старушки-кикиморы, прикрывая длинными иглообразными зубами подвижные подбородки. Рядом по пояс в воде булькался лупатый с длинными волосами-водорослями и свисающим мясистым носом пузырь, объясняя что-то гундосым с французским прононсом говором ластящимся к нему четырем красавицам — русалкам. Чуть дальше, на взгорке, тот, который сидел под дубом, игрался со змеями в окружении летучих мышей и совенка. Был еще кто-то тяжело дышащий и невидимый в тени тростника, на которого Юраня не смел и глянуть — кровь стыла в жилах.

— Братва болотная, — гундосил пузырь, — натерпелись от людей за столько лет. Кончать их надо. Разве мы не патриоты своего леса? Доколе будем безобразия терпеть ихние, мочи нету.

— Нам запрещено людей трогать без разрешения, вы же знаете. Не будь их, и нас бы не было. Все в мире устроено под человека, будь он не ладен, возрождения от него ждут духовного, — отвечал тот, который сидел под дубом.

Гундосый подозрительно повел носом в сторону оцепеневшего от страха Юрани и сказал зловеще:

— Нас человек подслушивает, пугнуть его?

— Я знаю, пусть слушает. Может, поумнеет да перестанет природу гробить сетями своими погаными. Ну чего людям не хватает для жизни? Смотрел я у Васьки домового в Нетопыри по телевизору (ящик такой говорящий), сколько у них еды в городах припасено — вовек не сожрать. На кой Юраня этот лезет во все потаенные края? Только к нам уже пятый раз заявляется без спросу.

— Кончать его надо, — оживился гундосый.

— Лучше защекотать до смерти, так веселее, — заквакали кикиморы, подпрыгивая от нетерпения на кочках.

— Нам, нам отдайте поиграть! — забеспокоились в воде русалки. — Он — симпатичный мужчина и грешный, как мы при жизни. Сто лет такого ждём.

— Кончать нельзя, защита на нем, наверное, сын благочестивых родителей, — подвел итог тот, который сидел под дубом. — А пугануть можно.

Как Юраня до своего берега доплыл, не помнит. Заскочил в машину к храпящему, как паровоз, Маврику и простучал до утра зубами от страха, беспрерывно читая молитву Иисусову. Вокруг машины дубы ходили ходуном в лунном свете, а за лобовым стеклом то свиное рыло с серьгой в ноздре заинтересовано всматривалось внутрь, требуя: «Дай закурить», то голая девица с горящими глазами и ввалившимся носом, жеманно улыбаясь беззубым ртом, обнимала длинными костлявыми руками Юранину машину, пытаясь открыть, и жалобно выла с досады. А со стороны луны сети, битком набитые рыбой, летели сами собой и тяжело шмякались на крышу легковушки, отдаваясь гулким эхом в воспаленном Юранином мозге. И взбесившееся сердце вместе с душой пыталось выскочить, пробив грудную клетку, и улететь к Спасителю, моля пощады и успокоения.

Не приведи Господь пережить кому-либо нечто подобное, и Юраня бы не выдержал, если б не армейская закалка в горячей точке, не опыт криминальных стрелок в лихих девяностых и не робкие потуги к воцерковлению в храме свенской обители.

Рассвело.

Проснувшийся и хотящий было снимать сети Маврик недоуменно смотрел на изрытую вокруг почву, на гору перепутанных с рыбой сетей и на седого, как лунь, с красными стеклянными глазами Юраню, намертво вцепившегося в руль белыми от напряжения пальцами.

Выезжали с трудом. Приходилось расчищать заваленную в нескольких местах буреломом дорогу, и только когда добрались до большака, появилось осознание произошедшего.

Подрулив к манящей сверкающими куполами церквушке, Юраня вышел к воротам и трижды с поклоном перекрестился по православному обычаю на висящую над входом икону. Войдя, упал на колени перед святым распятием, и долго стоял, склонив седую голову, шевеля губами и вспоминая свою непутевую, изгрызенную тяжкими грехами жизнь.

Вышел только к вечеру. Раздал к явному неудовольствию Маврика кучкующимся неподалёку бабкам рыбу и поехал в сторону Брянска, не обращая внимания на ноющего на все ноты

Серёгу.

Через что спасется род человеческий, и в каком составе — вот отныне единственное направление Юраниных мыслей.

Легенда о черном инспекторе

Вот, что рассказал мне один дед из Голяжа, с которым коротали мы ночь у костра на пятом Орлике.

Эта странная и таинственная история началась в 1947 году, аккурат после войны. Нетьинские и голяжские фронтовики, кто без руки, кто без ноги, с пацанятами малыми кормились, ловя сетями на Десне — Орликов тогда еще не было. Время стояло голодное, страна из руин поднималась.

Все бы ничего, да появился в этих краях рыбинспектор Коля Калымов, очень принципиальный товарищ — бывший особист. Не стало мужикам житья: то сети свирепо изрежет, то посадит кого. И звали его люди Чёрным, потому как носил он чёрный эсэсовский плащ трофейный.

Пропал он внезапно: был человек и нету. Может, утонул либо помогли, или уехал куда — шизанутый он был какой-то. Год таскали мужиков на допросы, но стихло все. «Нет тела — нет дела», — объяснил людям участковый за стаканом самогона. Лишь одинокая Маруся украдкой плакала ночами — любовь у них была два раза.

Только чертовщина тут началась жуткая. Стали у мужиков таинственным образом косы пропадать на заливном лугу. Чуть отвернулся — нету косы. А туманными ночами сети кто-то портил, в реке стоящие. Плывут утром улов снимать, а там вместо рыбы лишь обрезки сеточные плавают.

Решили покараулить ночью.

И видят… В лунном свете ползет туман по реке, а вы знаете, какие здесь туманы густые — руки не видно! Так вот, впереди тумана моторка плывет беззвучно, с чёрным силуэтом во весь рост и светящейся косой — вжик, вжик по воде. А на утро все сети порезаны.

Добился Коля своего, хоть и после смерти, — перестали люди на реку ходить, да детям строго-настрого запретили рыбачить.

Много лет патрулировал призрак реку, держа в страхе окрестности речные. Пол-Нетьинки тогда в баптисты записалось, Голяж православие вспомнил. Наконец упокоился чёрный инспектор, забывать стали.

Теперь заново началось. Как размыли шестой Орлик два года назад земснарядом, вновь Коля стал впереди тумана появляться. Видать, кости его грешные потревожили. И плывет он по всем пяти Орликам, нагоняя ужас и разрезая сети косой. И нельзя смотреть на него прямым взглядом, ибо зыркнет в ответ горящими адским огнем глазницами, и поражает рыбака

неизлечимая хроническая диарея, возникающая при виде любого инспектора даже по телевизору.

Лишь святая молитва да крестное знамение отведут от тебя его неприкаянную душу.

Вспомнил я, сколько раз у ребят после тумана сети порезаны, а у меня даже пойманный лещ килограммовый был разрезан чисто, как лазером.

Катька

Жила в Бежице, за линией, ведьмочка одна, Катькой звали. Ворожила кому надо, ну и отвороты-привороты разные там делала за деньги. Сколько годков ей было, никто не знал, говорили лишь, что она еще с Троцким дружила до революции — фотки у нее видели.

Так вот, повадилась эта Катя ночами на Керосинке рыбаков пугать. Прилетит туда в полнолуние, обратится в русалку и плещется возле сетей, резвится, значит. Рыбаки думают, что в сети крупняк попался, один плывет проверять, а Катька резко выныривает и хвать его за нос. Да смеется весело так, заливисто.

В ту ночь тоже как раз полнолуние было. У костра Маврик с Юраней дремали после спирта разбавленного; и тут смех женский: хи-хи-хи, хи-хи-хи за кустами. Маврик сразу насторожился — любитель он до женского пола большой. Выходит из-за кустов девица красоты неписаной, голая совсем и спрашивает:

— Мужчина, у вас не найдется спиртика грамм двести для дамы?

Маврику стало очень приятно, что его назвали на вы, и девушка очень понравилась. Он хотел ответить остроумно, пригласить даму к костру, но онемел как-то, только мычал и глаза таращил.

— Ой, какие-то мужики несмелые пошли, — хихикнула девица, поцеловала Маврика нежно, вскочила на метлу и полетела над Болвою, крикнув: — Катя меня зовут, малыыыш!

А у Маврика во рту червонец царский золотой оказался.

Жаль, Юраня все проспал.

С тех пор Серега Маврик грустный стал такой, задумчивый. Придет на речку, сядет у воды и подолгу всматривается вдаль — тоскует очень сильно.

Ветеран резинового флота

Маврик, воровато озираясь, ставил сети. Ветхая надувная лодка сипела в трёх местах, требуя постоянной подкачки.

— До чего же драная у меня сеть: на три метра — одна ячейка, — вздохнул Маврик, опуская на дно последний привязанный к сети кирпич, и засеменил веслами к берегу, таинственно темнеющему в багровых лучах заходящего солнца.

Покурив на берегу, удобно устроился в кустах и сладко задремал, мечтая о богатом улове, продав который он сможет купить себе новые снасти. Лишь комары да пение неизвестных Маврику птиц изредка прерывали его приятные сны. А снились Сереге зарплата, которую задерживали на заводе пять месяцев, одноклассница Анюта да котлеты с чесноком, аромат которых частенько доносился из квартиры соседа — авторитетного чиновника городской администрации.

Вот и привалило Маврику счастье. Ранним утром, на зависть всей резиновой флотилии, вытащил он посреди Орлика здоровенного толстолобика, килограмм на двадцать, и усатого сома побольше, чуть не утянувшего рыбака из лодки за запутавшуюся в сети пуговицу. Взвалив на плечи тяжеленный рюкзак с рыбой, довольный судьбою, счастливчик почапал худыми сапогами на мост — излюбленную торговую точку бежицких рыбаков.

Подвесив на виду толстолобика, Маврик залез в тенек, высунул из-под куста свой загорелый с красными не выспавшимися глазами бубен, и замурлыкал незатейливый мотив:

Подлещики, густёрки
И пара костылей
Поймали рыболова
И дали трендюлей…

В шелестящих мимо авто очаровательные девушки кокетливо строили Маврику глазки, удивленно вскидывали брови, увидев чудо-рыбу, и теребили угрюмых спутников, уговаривая купить. И не было в это время счастливее Маврика на свете.

Из остановившегося джипа вышел солидный господин, спросил цену и, не торгуясь, поехал обменивать баксы, обещая вернуться через десять минут. Черная туча внезапно закрыла солнце. Из родного уже Маврику уазика выскочил рыбинспектор,

забрал толстолобика и уехал по своим важным государственным делам, оставив обескураженному Серёге квитанцию о штрафе.

— Ну, ничего, продам тому, на джипе, сома, — подумал Маврик, вытаскивая из кустов извивающегося исполина.

Только повесил — менты! Завернули деликатесную рыбу аккуратно в мешок, отогнали Серёгу дубинкой, уехали…

А бедный Маврик, вскинув легкий, как пушинка, рюкзак, с вывернутыми в поисках денег на троллейбус карманами, побрёл домой, нервно вздрагивая от холодных капель начинающегося ливня.

Маврик, психи и инспекция

Развелось в Брянске сильно много новых русских — спасибо партии родной. Гоняют с утра до ночи на водных мотоциклах, честному браконьеру сети негде поставить.

Долго ждал Маврик, когда они разъедутся и наконец под покровом ночи поплыл сети раскидывать. Делать он это умел очень красиво и виртуозно. Со стороны казалось, что он быстро-быстро руками семафорит, как матрос флажками на корабле. Самому же Маврику представлялось, что он не сети ставит, а играет на скрипке «Полет шмеля» Римского-Корсакова. В общем, из старых он был браконьеров, из правильных.

Вообще-то Маврик остерегался ночью ловить после одного случая весной на третьем Орлике…

Повстречал он четверых странных мужиков на одноместной лодке. У первого нос был завязан красной тряпкой и очки треснуты, другой чесался неистово, вывернув руки в локтях, и рожи корчил, остальные двое спорили, кто у них капитан сегодня, и песню пиратскую пели. Разговорились и поведали они, что являются больными из психлечебницы там, за лесом. Их выпускают на ночь санитарам рыбки наловить, а за это дают потом на компьютере поиграться. Умные — жуть. Который в очках — доктор биологических наук оказался, всё-всё про рыбу знает.

Улов большой настругали — не вмещается, так они там чуть у милиционеров лодку не отобрали, назад плыть в дурдом. Здоровые такие ребята, руки, как кувалды. Посетовали только, что Наполеона с Гитлером более не отпускают с ними — те не возвращаются ни фига.

Вот эти психи, пока на компьютере игрались, открыли свой форум в интернете, где права качали в защиту браконьеров. Посещаемость зашкалила — все думали, профессора проблемы обсуждают с народом. После, правда, санитары отобрали у них компьютер, чтоб не возбуждались. Там крику было на всю психушку.

Еще Серёга Маврик опасался молодежного отряда «Антибрак» имени Павлика Морозова: они фотографировали браконьеров и закладывали их органам. Им сначала не позволяли этим заниматься, а потом решили — пусть бегают по речке на свежем воздухе, лишь бы на демонстрации не ходили. Юнармейцы его не очень волновали, он больше психов боялся.

Но мы отвлеклись.

Психов на горизонте не было, и наловил Серёга к утру рыбы

не буду говорить сколько, чтобы не нервировать читателей. Одни скажут: «Ого, все ему мало, хапуге», другие подумают: «Мы и больше ловили».

В общем, улов вышел приличный.

Сети были смотаны, рыба в мешке трепыхалась, и плыл довольный Маврик к берегу мимо заросшего высокой растительностью мелководья. Рёв приближающейся моторки сдул с лица Маврика счастливую улыбку. Мгновенно сообразив, что это инспекция, смекалистый Серёга заплыл в безопасные заросли камыша, спугнув с насиженных гнёзд стаю возмущённо кричащих чаек.

Моторка ткнулась носом в мель и затихла.

— Маврик, выходи, мы тебя в бинокль видели, — раздался знакомый голос Василича. — Хуже будет.

— Хуже уже не будет, — ответил из дебрей Серёга, вспомнив, как забрали у него прошлый раз лодку и сети. — Скажи лучше, тебе одному рыбы давать или на всю шоблу делить будете?

Инспектора возмущённо загудели, обсуждая дальнейшие действия, но быстро успокоились. Многое повидали они на казённой службе и от близкого общения с природой научились относиться ко всему спокойно и по-философски.

— Поплыли, а то других упустим, вон их сколько, — распорядился Василич, поворачивая моторку к противоположному берегу.

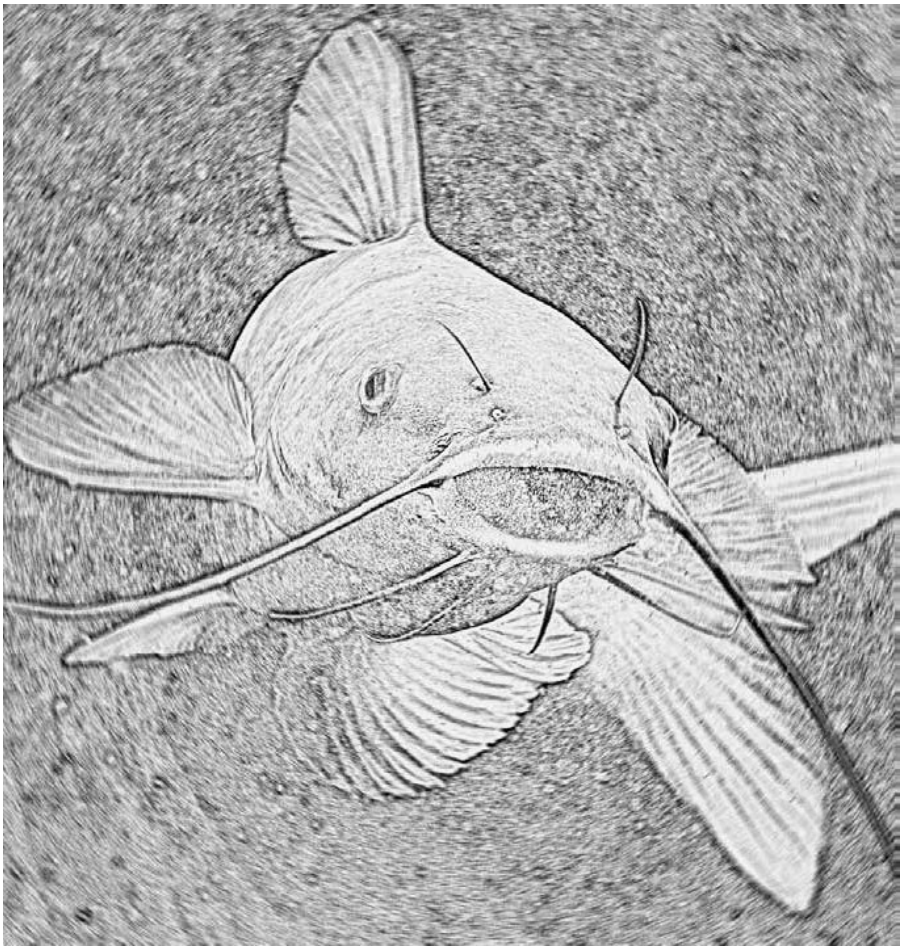
По совести сказать, он жалел этого добродушного с честными глазами Маврика, беззаветно упёртого в своей любви к браконьерству. Между прочим, настоящий рыбинспектор должен быть в душе немного браконьер так же, как и хороший мент в глубине души преступник.

А теперь серьезно. Пока существуют водоёмы, будут и браконьеры — романтики водных глубин, пираты речных русел. Только Маврики — это мелочь пузатая. Главный браконьер у нас государство, ибо помыслы сановных мужей его — от лукавого.

Дедушка сом

Обитает в нашей Десне сом альбинос полтонны весом, сплошь покрытый ракушками, пиявками и уродливыми наростами, с ржавыми блеснами и крюками в изодранной пасти. Давно живет он на белом свете, еще Сабанеев писал про него в позапрошлом веке, значит, возраст его далеко за сто тридцать.

С какой целью сохранила его мать-природа — неизвестно. Сидит он на дне второго Орлика в глубокой норе под затопленной лодкой, вынашивая планы мести роду человеческому за причиненные подводному миру страдания. Сколько родни и друзей потерял он от людской корысти, а его любимую подругу электроудочкой забили под Брянском. С тех пор, как учует он электрический разряд, в ярости мчится вершить свой суд, опрокидывая лодки и не разбирая, кто прав, кто виноват. Уже многих электриков переварил его лужёный желудок.



К сетям он относится равнодушно, считая их составной частью окружающего мира, просто рвет, как Тузик грелку, и дальше плывет.

Иногда, ночами, он поднимается из глубины и лежит на поверхности, прислушиваясь к разговорам на берегу, оценивая уровень падения забывших Бога людей, и вздыхает тяжело. Давно научился понимать он русский язык, более того, познал законы мироздания, неподвластные человеческому разуму. Старый мудрый сомяра.

Только один рыбак может изловить его — Юрка Котляров…

Но не хочет.

Революция, господа-товарищи!

Сбылась мечта врагов российской государственности. Как ни закармливала власть москвичей, именно они составили костяк вооруженного восстания. Грамотно проведя агитацию среди иногородних студентов, сочувствующих офицеров и обиженных капиталистическим неравенством гастарбайтеров, вывели вожди в ключевые места тучи бушующего народа, захватив думу, правительство, Останкино…

И пошло-поехало!

Люся Селиванова по кличке Фикса, хотя и имела высшее экономическое образование, работу найти не могла. Муж, выполняя воинский долг, пропал без вести на Кавказе, оставив её с тяжело больным сыном и престарелой матерью на произвол местных властей. Ребенка нужно было срочно оперировать в Москве, а чиновники от медицины лишь руками разводили, одним словом нужны были деньги, и много. Спасибо Юране, поддерживал их, как мог, да рыбки свежей завозил регулярно. Рыбачил он с Домкратом, другом детства.

Мишка Домкрат, благодушный авантюрист с маленькими глазами на широком лице красного оттенка и ста двадцатью килограммами живого веса, имел четыре заслуженные ходки за любовь к чужим деньгам и вину «Анапа». Откинувшись полгода назад, ловил с Юраней рыбу и присматривался к новорусским чиновникам, надеясь решить свои финансовые проблемы. В общем, неисправимый он был уголовник, хотя и с фантазией. Дружил Мишка с Юраниным соседом — Саней Индейцем.

В прежние, благословенные для студентов времена учились в брянском сельхозинституте дети разных народов. Среди негров, китайцев, арабов был и краснокожий парнишка с верховьев перуанской Амазонки, гордый сын вождя, потомок Великого Инки. Кобель он оказался еще тот, менял подружек, как ирокезы после бани, пока не встретил медсестру Клаву, братья которой и окольцевали вольное дитя природы. Домой в джунгли он уже не вернулся, устроился работать на птицефабрику, так как яйца очень любил сырые, да и в Клавиной квартире не в пример комфортнее было, чем в вигваме. Обрусел полностью, огненную воду хлебал без меры, когда тоска по родине заедала. С мобильником еще любил играться: вспоминал, как в юности, найдя на берегу Амазонки красивую банку из-под кока-колы, был счастлив — то на шею ее вешал на зависть соплеменникам, то на елдык напяливал.

В тот знаменательный день выпивали Домкрат с Индейцем у

Фиксы, когда Юраня после ночной рыбалки с судаками зашел. По телевизору как раз демонстрации в столице показывали, мол, революционно настроенные граждане, войска и гастарбайтеры желают строить справедливое общество на социальной основе без олигархов и коррупционеров. Говорили, что из Брянской и других областей в Москву вызваны полиция и ОМОН для поддержки старого режима, и призывали на местах не теряться, а брать власть в свои трудовые руки.

Тут, как на грех, на Юранином стакане спиртное закончилось, и стали друзья думать, как дальше жить — чуть не подрались от возбуждения. Ясно было одно — шанс упускать нельзя. Люся Фикса позвонила в полицию знакомому и выяснила, что почти все менты — на пути в Москву, а остальные — губернатора с мэром охраняют. Город был свободен!

Поручили Люське сшить к утру черный флаг да напечатать пару документов, и поехали к Юране в гараж откапывать в подвале станковый пулемет Горюнова времён Великой Отечественной, найденный еще по молодости с Домкратом на месте былых боев. В крыше жигулей вырезали люк и прикрутили оружие сверху — получилась неплохая тачанка. Домой шли уже под звездами — необходимо было посмотреть теленовости, обдумать, с чего начать, и отдохнуть: предстоял тяжелый судьбоносный день.

Пока ребята отдыхают, сплоченные единой целью, пару слов о Юране.

Неспокойно было у Юрани на сердце с тех пор, как открыл он строительную фирму в конце прошлого века. С одной стороны — менты, налоговая, пожарники вились, как вороньё, кругами, надеясь поживиться на халяву. С другой — брянские блатные безуспешно пытались отщипнуть от Юраниных доходов, периодически проверяя его на вшивость.

Но не такой Юраня человек, чтобы отстегивать в поте лица заработанные зузы кому ни попадя за красивые глазки. Да и зарплату трудящимся надобно было выплачивать сполна и вовремя — это святое правило человека высоких моральных качеств, воспитанного в духе социальной справедливости. Пахали Юраня и ему подобные на благо родных семей, свято веря не только в свое, но и во всеобщее светлое завтра. Знали бы они, как будут грести бабло лопатой чиновники в грядущем веке, присосавшись к финансовым потокам и обирая родную страну, примеряясь, как вовремя свалить за кордон в случае шухера. Но так как угрозы воровству не наблюдалось, затянул наркотик обогащения ментов, судей, прокуроров и остальных слуг народа, необратимо пронзив коррупционной проказой вертикаль

владычества Мамоны с верхов до глубокого низу. И не осталось ни единого закуточка на все еще великих после развала страны территориях, где нельзя было бы за деньги обтяпать любой меркантильный интерес. Цепная необратимая реакция. Праздник мохнатой лапы. Кто заразил умы чуждой русскому духу манией наживы? Пушкин? Есенин? Евтушенко?

Наступил второй день революции. Из перегородившего вход в коммерческий банк «Хиткредит» необычного автомобиля с черным флагом и пулеметом на крыше появились двое мужчин и женщина в строгих костюмах с белыми повязками на рукавах. «Банк национализирован, мандат реввоенсовета», — объявила женщина жестким, не терпящим возражения голосом, развернув охране документ с печатью. «Проведите нас к управляющему, за саботаж — расстрел на месте, за сотрудничество — награда».

Пока грустный управляющий, отдав необходимые распоряжения, пил под Люсиным присмотром в кабинете кофе, Юраня и Домкрат с помощью охранников загрузили в машину к Индейцу выданные главным бухгалтером мешки с наличностью, торжественно объявили именем народа о повышении служащим зарплаты в два раза и поехали в автосалон, выбрать машину повместительнее.

Да, чуть не забыл: в углу старик с внучкой сидел, плакал, что деньги не дают. Сунули незаметно и им мешок — пусть утешатся.

Хозяин автосалона сначала не хотел жертвовать шикарный «Хаммер» для нужд революции, но когда Домкрат полоснул очередью по стоящей с краю «Тойоте», сразу согласился, даже пулемет помог переставить. Лишь расписку попросил у Люськи Фиксы, что как патриот с радостью помогает новой власти.

Мимо ехали цыгане на телегах, с верхом загруженных компьютерами, — видать, национализировали где-то, но увидев происходящее в автосалоне, сразу тормознули лошадок и эмоционально загалдели по-своему, что-то затевая. Ну да чёрт с ними.

Наши друзья уже степенно катили с пулеметом и черным флагом к заполненной митингующими массами площади Ленина. «Все богатства народу. Долой кровососов чиновников», — скандировал в мегафон коренастый оратор в кепке, указуя рукой на здание администрации с мелькающими в окнах испуганными лицами. Рядом крутилась остроносая старушка в матросской бескозырке, с синяком под левым глазом и в огромных кроссовках на босу ногу. «Странно, — удивились ребята, — она же в Москве в теленовостях мелькала во всех местах». Рота полиции у входа с трудом сдерживала натиск разъярённых людей. «Долго не продержатся, — глубокомысленно прикинул Индеец, — а места в

машине еще много, полетели в «Газторгбанк» по-быстрому».

От драмтеатра наискосок через площадь к магазину «Изумруд» шел немецкий офицер в форме гаулейтера Второй мировой с эскортом из двух свирепых автоматчиков в касках и с медными жетонами на шее. «Артисты ювелирный национализировать пошли, — констатировал Юраня, — довели людей».

У рынка сотня знойных джигитов организовалась в отряд самообороны имени 26 бакинских комиссаров, и старушка в бескозырке среди них. Картина Репина в реале.

Банк оказался закрыт. Въехали по ступеням, выдавив бампером входную дверь, и шмальнули из пулемета в потолок для порядка. «Банк экспроприирован», — рявкнул клеркам Домкрат, разыскивая управляющего. Поймали только главного бухгалтера. «Начальство с секьюрити и деньгами закрылись в хранилище, они вооружены», — призналась она. Стали звонить на родину к Индейцу в Перу, у него там дядя — Себастьян Моралес, торговец обезьянами, мелкий коммерсант. Подробно договорившись и записав реквизиты его банковского счёта, вежливо попросили главного бухгалтера перевести туда все ресурсы банка, благо Фикса работала в этой системе и разбиралась, что к чему. Дождались подтверждения от перуанского банка об успешном получении денег и отчалили в направлении южной границы. Заехали только домой, где Люся собрала хворого сыночка, Индеец попрощался с плачущей горькими слезами женой, и уже затемно попилили в сторону Украины.

По пути видели, как из магазинов под покровом ночи тащили жители города партизанской славы всё кряду, деловито снуя туда-обратно, экспроприируя экспроприаторов, воплощая социальную справедливость. А сразу за городом, вдоль дороги высвечивались фарами болтающиеся на столбах мрачные силуэты с табличками: «Продажный прокурор», «Продажный судья». И тишина. Лишь вереница тянущихся к югу элитных иномарок, бегущих от мести народа господ, и щербатая луна над погостом украшали траурный пейзаж. Да уже знакомая нам старушка — демон революции, взгромоздясь на виселицу, прощально махала отъезжающим снятой с копыта кроссовкой гигантского размера.

Объехав к утру с местным проводником таможенный переход в Украину, сели Индеец и Люся с ребенком на поезд до Киева, планируя дальше: она в немецкую клинику, он на милую сердцу Амазонку, да пребудет с ними удача.

А вдоль границы обделённые газом лихие земляки незабвенного Тараса Бульбы задорно грабили с топорами и

вилами богатеньких российских беженцев, пинками отправляя обратно раздетых до исподнего даже бывших депутатов государственной думы.

Домкрат же с Юраней вернулись в мятежную Россию строить в очередной раз светлое будущее.

Но это уже иная история…

Грустная.

Притон

Остросюжетный мистически-психический триллер

Квартиры бывают разные. Все зависит от целомудрия людей, проживающих на данной площади. Вот и наша девятиэтажка ничем особенным не отличалась от тысяч других российских домов. А в прежние времена даже удостаивалась почётного звания дома высокой культуры быта. В меру пьющие пролетарии, врачи, менты и ответственные работники на законных основаниях населяли наш обычный во всех отношениях дом. Тишь да благодать. Живи и радуйся, честной народ. Спи спокойно, заплативший налоги гражданин.

Но не спят темные силы. Поселился в 13-ой — находящейся аккурат над Юраниной — квартире, огромный красноглазый негр странной наружности, не к ночи будь сказано. Надевал он летом генеральскую папаху и кроличье манто, видно, мёрз бедолага в России. Всем бабкам ручки насильно перецеловал, пугая кинг-конговскими ноздрями и представляясь зловещим шепотом:

— Отелло с Лимпопо.

Сопровождал негра повсюду наш дворовый кобель Шатен.

Вскользь о собаке.

Суровая судьба выпала на долю рыжего дворняги. Родившись под забором, рыскал сирота по микрорайону в поисках хлеба насущного, в боях добывая ночлег в тёплых подвалах. Одни сапиенсы били его, стреляли из травматики, другие подкармливали, а одна продвинутая школьница даже хотела сдать куда-то на опыты. В общем, вырос из него закаленный в невзгодах красивый рыжекудрый пес — любовь породистых сучек и кошмар их владельцев. Как пригрел его в квартире новый сосед, следовал Шатен неотступно за хозяином, ревностно охраняя свое чернокожее счастье.

Так вот. Встретил Отелло с Шатеном во дворе Юраню, в пояс поклонился, придерживая папаху одной рукой, подмигнул лиловым глазом и сообщил:

— Вам привет от покойной старушки, зверски замученной вами позапрошлый год близ деревни Большие Мослы.

И Шатен тявкнул утвердительно.

Не хотел вспоминать Юраня этот страшный, душераздирающий эпизод своей жизни, который так хотелось забыть, но пришлось — чертов нигер напомнил. А дело было так.

Случай, который напомнил негр

Поехали они с другом Мавриком на одно лесное озеро рыбки половить. Расположились на бережку чин-чинарём, снасти поставили и лежат возле костра с баклажкой спирта, отдыхают, на звезды любуются. Хорошо ночью в лесу, спокойно так. Воздух свежий, хвойный. Лепота! Вдруг слышат: шлепает кто-то по мелководью, приближаясь. Шлеп-шлеп — тишина, шлеп-шлеп — опять тишина. Уже решили — показалось, расслабились, начали по новой разливать, как вдруг выскакивает из воды старуха: глаза горят, косматая такая, хвать Маврика за сапог и тащит в озеро топить без лишних слов. Вскочил тут Юраня, облил ведьму спиртом, и поджег горящей палкой из костра, спасая друга. Взмыла пылающая старуха в воздух, сделала две мертвые петли над лесом да и булькнула посреди водоема, так что волны аж до машины докатились. Тут, вообще, самозащита была в пределах допустимой обороны.

Тем более что выжила ведьма — врет ехидный негр. Видели ее односельчане с обгорелым ухом в магазине — кильку брала.

А кто без греха — покажи?

Но вернемся ко дню сегодняшнему.

Зачастили в эту квартиру подозрительные посетители; хоть и респектабельного вида и на дорогих машинах подъезжали, но что-то в каждом было не то. Вот, допустим, с виду нормальный человек и одет прилично, а приглядишься внимательно — батюшки святы, свинья-свиньей: и рыло кабанье, и клыки, и песенку нахрюкивает про веселых поросят. Или козел наглый, или лисяра хитрый. Черти, не иначе. И дамы ихние такие же, только с грудями. А с виду приличные люди. Многих даже знавал Юраня, как занимающих ответственные государственные посты.

Раз участковый Александр Иванович к ним зашел прописку проверить, заработать по привычке. Впустили. Тихо было минут пять. Затем вываливается весь помятый, извиняясь.

— Пи-пи-пистолет, — жалобно скулил Александр Иванович, доставая из кобуры надкушенный солёный огурец.

— Потеряли? — сочувствовал выпроваживающий его однорогий Отелло. — Что же вы так неосторожно, гражданин начальник, надо смотреть за вещами, когда в помещение входишь.

А Шатен как гавкнет человеческим голосом:

— Кыш, псина!

Что именно дало ускорение блюстителю порядка — непонятно, только сиганул наш Иваныч прямиком на вокзал, где

сел в проходящий поезд «Москва — Пекин» и тю-тю, до сих пор не найдут. Ни его, ни пистолета. Прописки, сказали, поехал проверять.

Как-то вечером, не спросясь, подсел Отелло в машину к Юране:

— Извините за беспокойство, уважаемый сосед, мне поручено рассказать о корнях вашей именитой родословной. Люди должны знать о делах великих предков.

Факт истории, рассказанный негром

— В далеком и смутном 1605 годе, когда шел Лжедмитрий во главе войска польского и казаков воевать престол всероссийский, жила в вашем городе распрекрасная девица Алена, единственная дочь лучшего княжеского оруженосца Гаврилы. Сложилось так, что приглянулась юная Аленка молодому шляхтичу Казимиру Крашевскому, ну и взял он ее силком на сеновале. На войне это просто делалось, да и сейчас не лучше — люди есть люди. Так как был Крашевский благородных кровей, да и влюбился в красу ненаглядную без памяти, пообещал вернуться за ней после похода и оставил на память серебряный талер с нацарапанной надписью «Алюсе от Кази». Он у вас дома за комодом в шкатулке с ценностями хранится.

«Все знает, ирод, — обеспокоенно соображал Юраня, — надо будет перепрятать срочно».

— Не спрячете, все одно упрут, — ухмыльнувшись, словно читая мысли, продолжал Отелло, — не отвлекайтесь, слушайте дальше.

Прознал о поруганной чести дочери старый Гаврила, сотворил молитву, целуя крест православный, достал с полатей меч двуручный, и двинул в лагерь супостатский — карать обидчика иноземного. (Тут надобно подчеркнуть, что старались поляки не нервировать особо местное население, ибо возглашали людям, что сопровождают на престол упасенного ими законоположного государя российского, поэтому хождение народа туда-сюда допускалось).

Немного не достал оружейник шляхтича знатного. Порубали казачки старика в двух шагах от врага ненавистного. Но успел дед изречь пред кончиной, глядя в очи насильнику, страшное пожелание интимной несостоятельности, пронзившее весь будущий род Казимировский. Короче, «чтоб у тебя тютька отсохла», — сказал.

Ну вот. Добился ваш предок в дальнейшем высокого положения в Речи Посполитой, богатств несусветных немереных успел вывезти из Москвы на родину и нагрешил, соответственно, во всех сферах с нашей помощью выше крыши. Не было у него детей никогда, благодаря Гавриле, а у Алены родился от Казимира мальчик, от которого и пошел ваш род, глубокоуважаемый сосед.

Теперь вы как порядочный человек, — обрабатывал Отелло Юраню, — просто обязаны продолжить выдающиеся достижения прадеда и примкнуть к нашей тайной, но очень перспективной

группировке. Крашевский и сам бы вам это сказал, но в кругах, в которых он вынужден за грехи вращаться (негр многозначительно указал пальцем вниз), не принято, согласно установленного этикета, выражать свое мнение. Решайтесь, маэстро, вас ждут великие дела, и учтите: у нас длинные руки, — вышел из машины, свистнул Шатена и исчез, поклонившись.

Юране очень не хотелось продолжать подвиги славного предка, тем более попадать туда, куда показывал пальцем Отелло. Потому что жила в соседнем дворе славная девушка Натуся, с которой связывал он далеко идущие планы счастливой жизни.

Но вернемся к дурной 13-й квартире

Не стало Юране покоя ни светлым днем, ни глубокой ночью. Вот соберутся гости в этом гнезде разврата и давай озоровать без передыху: то цыганочку вдарят с выходом, то польку-бабочку застучат копытами, то рок взвоют замогильными голосами, когда луна, гремя бутылками о батарею. И так каждый день. Уж каким непотребством они там ни занимались, только явно не богоугодными делами.

Однажды ночью в разгар очередного шабаша кто-то долго скребся, хихикая, в Юранино окно; а к утру просунулись через потолок над лежащим Юраней две любопытные женские хари с рожками, и плотоядно обсуждали: сейчас им заняться, или на праздник приберечь, с опаской поглядывая на нагрудный крестик и икону в углу.

Как-то утром, спеша на работу, сел не подозревающий подвоха Юраня в машину, а там — какой сюрприз! — его уже ждал крайне нежелательный и осточертевший своей наглостью субъект.

— Кто? — спросите вы.

— Негр в кроличьем манто, — пояснит непонятливым Юраня.

— Извините за повторное беспокойство, мэтр, но нами была получена касающаяся вашей благородной особы инструкция, предписывающая сообщить вашей милости об одном вновь открывшемся генеалогическом обстоятельстве. Нам известно, что висит у вас дома над телевизором доставшаяся по наследству боевая сабля, которую, как вы знаете со слов вашей любимой бабушки, ее папа у Махно в карты выиграл.

Еще один исторический факт, рассказанный негром

— Случилось это в гражданскую в вольных степях Херсонщины.

Служил дедушка вашей мамы в Рабоче-крестьянской Красной армии рядовым бойцом сабельного эскадрона кавалерийского полка имени «Взятия Бастилии парижскими коммунарами». Звали его Михей, и исполнилось ему шестнадцать годочков от роду. (Тут необходимо пояснить, что тягостно приходилось молодому парню в рядах борцов за революцию, поскольку, будучи студентом коммерческого училища, испытывал он классовую неприязнь со стороны однополчан).

Так вот, бои шли тяжелые: то красные белых потеснят, то беляки красных попрут. Но вот однажды, после тяжелой кровопролитной схватки за город Елисаветград захватили красноармейцы в плен двух белогвардейских офицеров. На допросе те молчали, и приказал комиссар, недолго думая, пустить беляков в расход на берегу красивейшей реки Ингул. Свободных бойцов недоставало, и поручили исполнить приговор лишь одному Михею. Волею судьбы один из плененных офицеров, штабс-капитан Уздечкин, оказался родным дядей Михея. Бабушкин папа, естественно, не взял греха на душу, и рванули они втроем за реку, спасая жизни свои молодые. Помотались по степям и угодили сначала к белым, затем в передовой отряд легендарной Маруси-атаманши, а с ней и в штаб повстанческой армии Нестора Махно.

Убедил красноречивый батька измученных беглецов перейти на сторону вольных селян и присягнуть под черным знаменем благородным идеям Анархии — Матери Мирового Порядка. Тогда и выиграл в карты папа вашей достопочтенной бабушки этот славный златоустовский клинок, принадлежавший ранее атаману Григорьеву. Там ещё Лева Задов, правая рука батьки, возмущался, размахивая наганом, мол, Нестор Иванович выпивший сильно, верни саблю. Но игра есть игра.

Лихо закрутил Михея вихрь братоубийственной войны. Знатно рубал он сим клинком и белых, пока не покраснеют, и красных, пока не побелеют, и националистов-петлюровцев, и интервентов чужеземных. Но это бы ничего, война есть война, только участвовал он с удовольствием во многих буржуйских и еврейских погромах, грабя и убивая ради наживы несчастных мирных жителей.

Так что находится сейчас герой гражданской, махновец партизанский в надежном месте, там же, где и другой ваш доблестный предок — Казимир. Скучает и шлет вашей персоне оттуда пламенный родственный привет и рекомендацию скорейшего вступления в наш формирующийся, но еще не полностью укомплектованный достойными кадрами добровольно-принудительный союз. От себя же хочу добавить по секрету: есть вакантная должность ведущего специалиста по откатам. Для вас берёг, исключительно из уважения к вашим предкам. И Шатен сидит, кивает в знак согласия, тварь продажная.

* * *

Итак. Назавтра обнаружил Юраня в почтовом ящике красочное приглашение отпраздновать по-добрососедски в 13-ой квартире романтический вечер, посвященный Дню Независимости. Сопровождалось сие послание всяческими приятными словами уважения и перечислением реальных и будущих Юраниных заслуг пред отечеством и еще неизвестно кем.

— Конкретно заинтересовались, гады, надо что-то делать, — твердо решил Юраня, направляясь в церковь святых апостолов Петра и Павла к всегда ждущему его там отцу Василию. По дороге вспомнилась старинная песенка о неудачной вербовке советского гражданина иностранным шпионом:

А еще же, друг мой пьяный,
Говорил он Епифану:
«Будут деньги, дом в Чикаго,
Много женщин и машин».
Враг не ве-е-дал, дурачина:
Тот, кому все поручил он,
Был агент, майор разведки,
И отличный семьянин.

В храме и поведал батюшке Юраня, опосля святого причастия, о нехорошей и вредной квартире. Внимательно выслушав взволнованного прихожанина, духовник пояснил существо вопроса.

В двух словах.

Тщетно доверять посулам лукавого, ибо преследует он одну единственную цель — погубить сей люто ненавидимый мир, созданный Творцом, и человека как венец творения образа и

подобия Создателя. Вот и охмуряют падшие ангелы духовно слабых и немощных, искушая соблазнами пустыми. Ублажают сомнительными удовольствиями бренные тела податливых, скупая по дешевке те души христианские, которые не прислушиваются к голосу данного при крещении ангела хранителя.

— А как же нехристианские? — поинтересовался Юраня.

— Некрещеные уже с ними, — вздохнул духовник.

Спокойно и обстоятельно выработали они с рассудительным священником следующий план действий: Юраня проникает под видом гостя в притон, осматривается, а дальше — что Бог даст. На том и решили, помолясь.

* * *

Не любил и не понимал Юраня День чьей-то там Независимости, потому что возникали в связи с ним разные нехорошие ассоциации. Например: независимость молодёжи от достойной работы, или полная независимость богатых от бедных, или полнейшая независимость бомжующего в подвале Петра Петровича от своей квартиры, отобранной черными риелторами. Но на праздник пошел. Дело есть дело.

Дверь открыл почти голый человек, очень похожий на начальника полиции. Из одежды на нем были лишь фуражка и портупея с кобурой, да на руке повязка со свастикой. Лихо козырнув, тот щелкнул пятками и отрапортовал:

— Дежурный по притону полковник Малюта, милости прошу к нашему шалашу, у нас без церемоний.

Квартира оказалась неестественно больше, чем ожидалось. Посреди стоял огромный, уставленный изысканными яствами и элитными напитками, стол. На нем было всё, что очень любил Юраня, но никогда не пробовал. От искусно фаршированных уток, осетров и поросят до экзотических карамбулы, дуриана, амбареллы. А также в три шеренги от алмазной икры манили Юранин наметанный взор коньяки Хайн, вина Шато Петрюс, виски Джим Бим, шампанское Дом Периньон и многие, многие другие вкусные вещи.

За столом играли в карты люди-черти разных мастей. Узнал Юраня многих. И известных политиков, и руководителей всяческих зловредных структур, и важных высокопоставленных чиновников. Были также экземпляры, сильно смахивающие на первых лиц региона, но Юраня сразу отмел нехорошие подозрения как маловероятные. У всех были рога и клыки, но не у

каждого пятаки, только у самых важных. Одеты игроки пристойно-изысканно: строгий верх, голый низ.

— Игра интеллектуальная, заключается в следующем, — объяснял Юране дежурный. — Тут, вернее, две игры. В карты: на кон ставятся успешные предприятия или отрасли, которые в случае проигрыша будут благополучно изничтожены. Одновременно — под столом — всеми уважаемая заведующая соцзащитой Анжела Марковна покусывает играющих между ног. И тому, кто выдаст сие действо выражением лица, назначается штрафная тренировка по обращению с народом на обоятельнейшей Венере Павловне. Да вон она — у шкафа.

У шкафа, прогнувшись на четвереньках, стояла весьма упитанная заведующая здравоохранением, призывно вывернув присутствующим свой целлюлитный зад с красным отпечатком чьей-то пятерни на правом полушарии.

— Да тренируйтесь уже быстрей кто-нибудь, попа мерзнет, — кокетливо скалясь кариесными клыками, просила она, испуская газы. Заметив у нее в руке вилку с наколотым куском осетрины, Юраня испытал эстетическое желание улучшить натюрморт и воткнуть сей столовый прибор поглубже в ее роскошный, достойный кисти Рубенса, патиссон.

«Гуляй, рванина, жуй опилки — ставлю на кон лесопилки».

«Туз — и фабрику в картуз».

«Как я рад, как я рад — проиграл я детский сад», — азартно выкрикивали играющие.

— Да не проигрывайте вы все кряду, растягивайте удовольствие. Угробим Россию раньше времени, где будем души православные совращать? — журил играющих Отелло, покуривая кальян. — Эх молодежь, молодежь.

— Вы, бугор, конечно, дух авторитетный, по старым понятиям живете, и рог потеряли в боях за дела наши скорбные. Но ведь Россия большая — дураков много, вона, как карта удачно ложится, — отмахивался банкующий руководитель ЖКХ.

— А мы ваш заводик тузом, тузом!

На кухне торжественно назначали нового председателя избиркома. Он, простой нерусский парень без определенных занятий, умудрился один на всех без исключения участках проголосовать. И на каждом по триста рублей заработал!

— Самородок! — восхищались.

— Большой талант в нашем деле!

— Надежда русской демократии!

В ванной шумно резвилась компания кикимор-лесбиянок из горсовета, призывно выпячивая сомнительные прелести вновь вошедшим. Полковник Малюта юркнул к ним. Шатен вылизывал

какую-то блондинку.

На диване сплелись, сопя и потея, четверо нетрадиционно ориентированных бойцов депутатского корпуса, делом доказывая друг другу, чей законопроект вредоносней. Пятый пристраивался к истошно орущему коту. Пахло серой и помойкой.

— Генофонд нации, — тошнило пробиравшегося к окну Юраню сквозь безтрусовый, но в лифчиках квартет веселых парней-гитаристов, — чесотка на теле общества. Да такое даже Содом не делал со своей Гоморрой.

За шкафом начальник тюрьмы, судья и прокурор самозабвенно предавались садо-мазо, играя в надзирателей и заключенных. А молоденькая, но подающая большие надежды судья, не переставая мочиться на прокурора, ухватила оторопевшего от увиденного Юраню за штанину и пребольно вонзила ему в ляжку остро отточенный лакированный коготь да провернула два раза.

«Как штопором», — помутилось в мозгах у захромавшего прочь Юрани.

И, как по команде, потянулась к нему прочая нечисть, а чертова бабушка — председатель пенсионного фонда — приговаривала, похотливо облизываясь:

— Не пугайся, милок, мы тебя не больно съедим — ам, и ты уже на небесах.

— Господи, помилуй меня грешного, — возопил от страха и боли Юраня, с упоением прижигая нательным крестиком слюнявые пятаки самых наглых. Двоим-троим рога пообломал, одному локтем глаз выбил. Голову прокурора прищемил, словно ножницами, ногами судьи. Начальника тюрьмы запихнул за батарею, как за тюремную решётку, и тот недоуменно моргал оттуда, грозно вращая зенками, затем попытался выбраться, но наглухо зацепился гениталиями и заорал от бессилия:

— Сижу за решеткой
В темнице сырой,
Вскормлённый в неволе,
Орел молодой.

Но напирала нечистая сила, отступал, выбиваясь из сил, Юраня; наконец извернулся и разбил в прыжке спасительное окно.

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа — огонь! — донесся с улицы зычный бас долгожданного отца Василия. И уже хлестал благодатной свежестью мощный поток святой воды, вовремя пущенный героическим батюшкой из брандспойта подогнанной

под окна двенадцатитонной пожарной машины.

Никогда доселе не слышал город таких отчаянных визгов, воя, проклятий растворяемых без остатка врагов рода человеческого.

— Жестоко, — скажете вы.

— Необходимо, — ответит Юраня, добивая контрольными ведрами затаившихся по шкафам уцелевших агентов преисподней.

Только бывалый бригадир Отелло успел заскочить в пустую бутылку и качался на волнах, горланя тоненьким голосом:

— Врагу не сдается наш гордый «Варяг», пощады никто не жела-а-ет!

Но его достал обиженный извращенцами кот, яростно утопив крейсер-бутылку в святой воде.

Все кончено. Tertium non datur. Третьего не дано.

Где в дальнейшем объявится эта бригада сатанинского труда? В какой части света вновь откроет чиновничий притон тайный десант царства теней?

На улице восходящее солнышко ласково приветствовало утомившегося Юраню. Ему навстречу уже порхала белой горлицей светящаяся от любви Натуся, согласная составить счастье всей его жизни. Стайка благообразных старушек спешила в храм на утреннюю службу, неся записки за здравие родных и близких. На душе было светло и радостно. Хотелось жить и трудиться, да поскорей закончить строительство детского садика, чтобы могли детишки, беззаботно играя, доверять взрослым за открывающиеся для них в стране радужные перспективы.

Тревожная любовь махновца

Ручаюсь за достоверность данной истории, имея на то довольно веские основания. Буду краток.

Начнем ее с лета 1917-го, когда вовсю витали в умах прогрессивных граждан возвышенные идеи революционных преобразований.

Ютилась недалеко от Петрограда больная чахоткой солдатка Катя — вдова погибшего в империалистическую Антона Костина. Получая пенсию на мужа, поднимала болезная Катюша двоих детишек — старшего сорванца Миху и младшенькую Светланку. Миха был смышленый малый, сколотил из ворованных досок лодку-плоскодонку, просмолил гудроном и ловил связанными еще отцом сетями рыбу в Разливе. Кормил ею не столько свою семью, сколько пятерых детей соседки Матрены, не имеющей и вовсе никаких доходов. И величали его за это соседи уважительно: Михей Антонович. Городовой входил в бедственное положение местной голытьбы и не привлекал Миху за браконьерство, разве что рыбки вяленой принимал иногда побаловаться.

В один тихий солнечный день заплыл Миха подальше к финским сенокосам, где в это время года сиг собирался, и заметил на берегу шалаш и господина в кепке, что-то увлеченно пишущего у костра. Познакомились с Ильичом, подружились, и до того увлекся новый знакомый рыбалкой, что часами с удовольствием с Михиными сетями возился, пока тот «Капитал» Карла Маркса на берегу изучал. Видел Миха и два чемодана нерусских денег в шалаше, но не тронул тогда, (о чем очень сожалел в дальнейшем, уже тянувши срок на Соловках). Днями рассказывал новый товарищ о светлом коммунистическом будущем, о неизбежном крахе загнивающего капитализма; о том, что землю отдадут крестьянам, а фабрики рабочим. Особенно любил заливать в Михины лопоухие локаторы, как много станет рыбы и медовых пряников с конфектами.

Снова встретились они уже в Смольном, куда Миха про отца соседских детей забегал узнать. Там часовой у входа не пускал его, а тут Ильич как раз:

— Миха, — кричит, — привет. Как жизнь рыбацкая?

Проводил его в кабинет, ходокам велел покурить, пока гостя чаем с баранками поил, и все интересовался: «Сильно ли революционные настроения в народе?» Большой души человек. Затем обеспокоясь, как Миха назад доберется (у большевиков намечалась ночная облава на контру), выписал справку:

«Михею Антоновичу Костину не чинить ни в чем препятствий».

Печать и подпись: председатель Совнаркома В. Ульянов (Ленин)

Вовсю заработала революционная мясорубка, перемалывая судьбы людские. Океаном разлилась кровавая бойня от Петрограда до Владивостока. Ручьями потекла по Руси кровь людская, как водица.

Сперва попадает Миха на Южный Фронт в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии, воюет с врагами молодой Советской республики. Но не понравилось там, не его это видно судьба-планида. И вот почему.

С детства трепетно относился Михей к прекрасному полу, поэтому, когда социализировали отцы-командиры нескольких представительниц чуждого класса и возили, пользуя еле живых, за собой, как-то охладел к марксистским идеям безбрачной любви, усомнился в правильности основ коммунизма. А тут как раз все в баню, а ему приказали шлепнуть по-быстрому двоих плененных беляков за ненадобностью. Повел он их за околицу, глядь, силы небесные, а штабс-капитан-то израненный — дядька Игнат его родный по матери. Пригодилась смекалистому Михе сноровка рыбацкая, и умчались они на конях втроем в дали дальние, безопасные.

День скакали они, ночь скакали по широкой украинской степи, вдруг вдали у реки засверкали штыки; видят — белогвардейские цепи. Хорошо приняли их в Корниловском ударном полку, как героев. Помыли, побрили, поставили на довольствие, а Миху назначили при кухне подсоблять. Отъехал он как-то подальше за дровами и видит.

Оцепила сотня белоказаков десяток махновских черногвардейцев в овраге и поливает перекрестным огнем — головы не поднять. Положили всех. Лишь (восхищенно смотрел Миха) отчаянная девица в белой черкеске с газырями и белой же папахе набекрень билась одна, словно умирающая в последнем танце лебедушка, сжимая в окровавленных руках саблю и маузер, насмерть разя рвущихся к девичьему телу озверевших от крови белопогонников. Десятка два порешила, не меньше. Но кончились патроны, повязали казачки птицу вольную, навалившись гурьбой, и отвезли на ее же тачанке в штаб корниловский на допрос с пристрастием.

Признали в красавице знаменитую Марусю-атаманшу, любимицу идейных анархистов, верную соратницу Нестора Махно. Как прибыла террористка Мария Никифорова из Парижа,

гуляла с пятьюстами лихими ребятами по тылам красных и белых юга России, потроша буржуев и помогая бедноте. Будучи, как и все настоящие анархисты, благородным романтиком, с радостью готова была отдать жизнь молодую за социальную справедливость без насилия над личностью, напрочь отрицая государство, чиновников, сословия.

(Да, были в то лихое время бескорыстные герои, бойцы за хоть и призрачную, но правду. А сейчас кради и делись — никто тебе слова плохого не скажет, не одернет по-серьезному. O tempora! O mores! О времена, о нравы.)

Дале. Хлопцы у Маруси были хорошие, но дурные. Угодила, значит, Мария в лапы врагов революции, осечка в ее планах вышла. Вволю поизмывались над пленницей за порубленных без счета товарищей казачки-станичники да и закрыли в сарае, дабы казнить поутру.

И опять не ладно. Сильно глянулась молодому Михиному сердцу гордая Маруся, и не понравились беляки, определившие его на кухне дрова колоть. Не стал он ночью умирающую дивчину охранять, положил ее избитую на тачанку, и увез в степь раздольную — ищи-свищи ветра в полюшке. С ними еще красноармеец Петруха увязался, он в том же сарае расстрела ожидал. Да и пусть бежит, чай, живая душа, не басурман какой.

Долго выхаживал Миха зазнобу на отдаленном хуторе, внимая геройским историям трудной жизни анархической, проникаясь идеями свободными. Любили они там друг друга до умопомрачения, забыв на время про бойню гражданскую. Поправилась, расцвела Марусенька, аки цветочек аленький, подлечила на арбузах отбитые почки девичьи, ведь любовь — великая сила. Только пришло время вертаться в революционную армию вольных селян, воплощать благородные идеи Анархии — Матери Порядка, бороться за украденное узурпаторами счастье людское.

С восторгом встретили воскресшую Марусю в штабе Нестора Махно. Закатил батька трехдневную гулянку на радостях, где подфартило Михе, и выиграл он в карты саблю роскошную, полмешка керенок, карбованцев, немецких марок и австро-венгерских крон.

Доблестно воевали Миха с Марусей под черным знаменем за землю и волю, за самоуправление, за понятия светлые, анархо-коммунистические. Славно рубали без разницы и красных, и белых, и интервентов, защищая мечту революционную, чистую. Грабили банки, эшелоны, города, поместья. Реквизировали у богатых и одаривали бедных. Умел сердобольный Миха назидательно утешить маузером обираемых именем революции

господ:

— Мы тебя сейчас экспроприируем, а ты и не воруй.

В жестоком бою отбили у белых два эшелона с продовольствием и отправили в голодающий Петроград. В Ростове выпотрошили все банковские сейфы. Из денег и ценных бумаг развели на площади огромный поминальный костер по старому миру, в котором нет места эксплуататорам, а будет только труженик новой формации. Особым шиком считалось у щеголяющих в золоте, бархате, мехах, обвешанных гранатами и пулеметными лентами махновцев патрулировать улицы, наводя революционный порядок. Романтики — что с них взять.

Один раз и у Маруси не выдержало девичье сердце, примерила она пару шмоток в магазине женского белья. За что и получила взыскание от Нестора Ивановича: не время расслабляться, пока народ страдает. Отладила Никифорова работу школ и больниц — как без этого.

Воевали с ними плечом к плечу и иностранные товарищи — анархо-синдикалисты. Один из них, талантливый испанский художник, в периоды затишья изобразил Марусю на крылатом вздыбленном коне с черным флагом, гранатой и саблей наголо. Очень удачная картина получилась, два на два. Если смотреть на нее снизу вверх, то Маруся лукаво подмигивала левым глазом — игра светотени, по-видимому, если не верить в мистику. Картине этой потом в одной тайной религиозной секте поклонялись вплоть до 1979 года, затем она в Эрмитаже хранилась в запасниках, но в 90-е была украдена и продана во Францию, где теперь и выставляется в Лувре. Жанр — революционный экспрессиосюрреализм, очень редкий, кстати. Обязательно посмотрите, не пожалеете.

А Миха попал в переплет однажды.

Отправился он с небольшим отрядом на железнодорожную станцию бронепоезд анархиста Гарина встречать. А тут внезапно австро-германцы прорвались через фронт и прут с орудиями — мама не горюй! Нельзя их было близко к станции подпускать: отберут прибывающий бронепоезд. Заманил их Миха посередь степи (а трава стояла сухая, высокая) и поджег с трех сторон, а с четвертой тачанками пулеметными встретил. Веселыми фейерверками взрывались в огне подводы с гранатами и снарядами артиллерийскими. Долго будут помнить захватчики землю русскую, гостеприимную.

Хоть и принимали пачками в свои фартовые ряды красноармейцев, григорьевцев, левых эсеров, вольных казаков — петлюровцев, но и Красная армия пополнялась такими легендарными личностями из бывших анархистов как командарм

Василий Чапаев, его комиссар Дмитрий Фурманов, матрос Железняк, маршал Григорий Котовский. Так что сильней и коварней оказалась власть большевистская, предавая партизан анархических. Все трудней приходилось махновцам-марусинцам — прижимали их бойцы краснознаменные.

Доказала Маруся на съезде анархистов необходимость ликвидации одним взрывом всей большевистской верхушки, собрала надежных соратников по партии и двинула на Москву вершить теракт, думая, праведный. Ну и Миха, конечно, при ней. По пути разграбили банки Тулы, Брянска, Иваново-Вознесенска. Но не удался теракт в Леонтьевском переулке — чемодан взрывчатки не в то окно закинули. Многих повязали тогда чекисты. Могли бы больше, но предъявил Миха в нужный момент справку от Владимира Ильича (да-да, ту самую), чем и спас Марусю с парой других анархистов-висельников.

Разошлись их с Михеем пути-дороженьки, и отправилась неугомонная Маруся с поляком Витольдом в Крым — взрывать ставку Врангеля, затем планировала на Дон — рассчитаться с Деникиным. Но поймали ее контрразведчики белогвардейские да и повесили публично на площади симферопольской. «Да здравствует анархия», — вот последние слова любимицы всенародной.

Так и окончилась эпопея лихой анархо-коммунистки Марии Никифоровой, бескорыстно кующей жизнь новую, справедливую. И если вам скажет кто из предвзятых историков, что была она ни баба, ни мужик, а ведьма, манипулирующая людьми, не верьте, а послушайте лучше Михея. Уж он-то близко знал эту русскую женщину с тяжелой, но такой интересной судьбой.

А Миха уже навоевался досыта, поумнел и стал при НЭПе преуспевающим фабрикантом парусиновых штиблет. Справку от Ленина у него музей просил, но он не отдал, а повесил в кабинете на видном месте как охранную грамоту. Только справочку эту потом кто-то спер, и загремел Миха в Соловки на двенадцать лет. А сажал его тот самый Петруха, которого они с Марусей из белогвардейского плена вызволили.

Сидел с Михой на соседних нарах один известный репрессированный троцкист, который рассказал по секрету следующее.

Будто бы не повесили Марию Никифорову. Поступила она, как Лев Задов, на службу в ЧК, где работала агентом по ликвидации за границей наиболее опасных врагов советской

власти. Но свидетельств этому мало, посему врать не буду.

Часто вспоминал Михей в ночных тюремных кошмарах любовь свою первую, а проснувшись, грустно напевал, не веря, что нет его зазнобушки:

— Где же ты Маруся?
С кем теперь гуляешь?
Одного целуешь,
А меня кусаешь.

А за решеткой отзывались соловьиной трелью прощальные слова Марусины:

— Миха, Миха, где твоя улыбка,
Полная задора и огня?
Самая нелепая ошибка, Миха,
То, что ты уходишь от меня.

Затем откинулся с чистой совестью, воевал в штрафбате против немецко-фашистских оккупантов, был ранен, награжден и геройски погиб, освобождая Прагу весной 45-го.

Как толкует вера православная — лучше искупить грехи на этом свете, чем нести их на тот.

* * *

Я никогда не был сторонником анархических преобразований, но глядя на нынешнюю армию обнаглевших чиновников, так хочется вернуть милую нашу Марусеньку с Махно, уж они-то конкретно знали, что делать с паразитирующими элементами. И не скрыться тогда с наворованным ни за сейфами банковскими, ни за границей прозрачною.

Покайтесь публично по телевизору. Поделитесь с людьми по-хорошему. Ведь по кругу идет мать-История.

Воры и коммерсанты

Мемуар де ля ви

А сейчас я расскажу вам небольшой эпизод из начала 90-х.

— Стой, Толик, тварь поганая. Ты когда деньги за литру отдашь, падаль конченая? — нарушил утреннюю тишину городского двора истошный вопль Степановны. Щуплый мужичонка с сизым носом и связкой удочек присел от неожиданности.

— Засекла з-зараза, — покосясь на высунувшуюся из окна третьего этажа здоровенную тетку, прошептал он, нехотя обернулся и виновато улыбаясь, ответил: — Элеонора Степановна, с вашим талантом можно на митингах деньги зарабатывать, а вы на нас энергию тратите.

Тетка, было, задумалась, но вдруг, резко повернувшись, с развороту закатала кулаком в лоб зашедшему на кухню мужу:

— Куда, сволочь, сахар берешь, свинья диабетная!

Тот, заморгав глазами, открыл, было, рот, но Степановна, спохватившись, вновь выкинулась из окна… Толика на горизонте не было.

— Ушел гад, — смачно плюнув на лысину вышедшему из подъезда дворнику, обреченно опустилась на стул рядом с мужем. Притихла.

Жизнь не радовала. Небольшая квартира, полученная через тридцать лет работы станочницей, мизерная пенсия. Сын в тюрьме на восемь пасок. Невестка — стерва, внук — двоечник. Подрабатывали, продавая с невесткой разведенный спирт дворовым алкашам, благо их сторонились и участковый, и соседи, опасаясь взбалмошного характера Степановны и ее абсолютной несдержанности на язык. Один раз, правда, схлопотала синяк, обозвав отмороженного уголовника Черепа «гомиком гнойным».

Вошла на кухню невестка. Бабы стали собирать передачу в тюрьму. За окном зашаркал метлой дворник, завизжал первый троллейбус, увозя на рынок заспанных торговцев с огромными баулами. Забегали по двору собаки, таща на поводках надменных хозяев. Обычное утро в простом российском городе.

Проснулся и Санька. Крики Степановны, пронесшиеся через весь многоэтажный двор, и влетевшие в Санькину форточку, он принял за команды мордастого режимника, будившего юных зеков на зарядку. Из спецшколы, где Санька отбарабанил два из своих тринадцати лет, его вчера привез отец, купив на вокзале сникерс и самогона. Матери у него не было. Были две старшие сестры и тетя Света Заноза — сожительница отца. И зачем она

хранила дома эти пустые кошельки, которые Санька с пацанами на рынке воровал? Они и стали причиной его отсидки. Жили плохо. Отец, Юра Дударь, несмотря на солидное криминальное прошлое, не мог вписаться в новую жизнь и промышлял случайными заработками.

Под окном интеллигентно скрипнули тормоза.

— У-у-у, волки жирятинские, приглушенно донеслось из кухни, — поотъели репы — в джип не влезают.

— Тише, Пупок, вмешалась тетя Света, — пусть Санька поспит, намаялся в спецшколе. А в джип садится Володька Еврей — коммерсант с шестого этажа. За ним два мордоворота по утрам заезжают. Магазин ночной у них с Компотом за линией. «Волчий глаз» называется. И две бензоколонки на выезде. Ему на дверь каждую ночь кто-то объявление клеит:

«Лицам еврейской национальности, желающим навсегда покинуть СССР.
Место сбора: Чернобыльская АЭС, четвертый блок.

Администрация»

— Да я, Свет, ничего. Как в тюрьме легкое вырезали, задыхаюсь периодически. Оставь, Дударь, покурить. Да не грей стакан, не задерживай очередь.

Зашел Боцман, накатил полстакана и сразу к делу:

— Вчера у Михалыча был в конторе, у него строительный кооператив в центре. Дела заворачивает — мама не горюй. На работу приглашал, сказал, что сейчас всех придурков берет. У него там полгорода собирается. Пошли, сами увидите.

— Не обманет?

— Исключено. Он честен патологически.

— И крыша у него есть?

— Он сам кому хочешь крыша.

— Это ж надо, офигеть! Семь судимостей иметь, и ни разу не сидеть!

Троллейбусы не ходили — у машиностроительного завода дорогу перекрыла шумная толпа бастующих заводчан. На импровизированной трибуне упражнялись в красноречии коммунисты, эсэры, жириновцы. Одни требовали зарплату за шесть месяцев и возврат в социализм, другие отвлекали обещаниями рая земного, третьи грозились всех пересадить за колымский хребет. Тащили с трибуны за малиновый пиджак упирающегося главу районной администрации. Тот решительно не хотел уходить и прицельно брыкался дорогим ботинком в головы оппонентов. Молча били нескольких блюстителей

порядка, имеющих неосторожность приблизиться к бушующему пролетариату.

Пока пробирались сквозь толпу, один визгливый интеллигент, распираемый от избытка чувств, угодил Боцману локтем в ухо, но тут же получил в ответ кулаком в очки и пинок в филейную часть. Далее задерживаться не стали, хотя обстановка и располагала послушать умных людей — на работу шли устраиваться.

Контора

У ворот кооператива лежал в пыли, живописно раскинув руки и ноги, рыжий детина в дорогой модной джинсовке и буровил что-то по пьяни.

— Это Вася Бургомистр, он на рынке деревянными членами торгует. Младший научный сотрудник НИИ, между прочим, — узнал Пупок.

Рядом два раздетых по пояс мужика мыли из шланга девятку. У одного наколото на груди «Русский, китаец — братья навек» и профили Сталина и Мао, у другого на спине — «Проснись Ильич, взгляни на наше счастье».

— Машина здесь, значит Михалыч на месте, — обнадежил Боцман, заводя друзей во двор старинного здания.

А там — деловая жизнь кипела, будто Нью-Йоркская биржа в период торгов. Присутствовал цвет нашего общества. Одни желали что-нибудь дешево купить, другие якобы имели много чего продать. (Страна переживала творческий подъем. У многих прорезался талант к торговле — даже простой цыган без носков или щербатый сторож могли предложить с умным видом пару вагонов острейшего дефицита, тонну редкоземельного металла или колбу красной ртути, не брезгуя при этом брошенным окурком. Куда ни плюнь — гений коммерции. Маркс удавился бы с досады).

Трое алкашей бойко разгружали на склад фуру со спиртом «Рояль». Два прибалта набивали до отказа «КамАЗ» медным профилем. Бригада строителей укладывала огромную кучу рубероида. Особняком ждали аудиенции несколько важных чиновников с портфелями — это они потом насобачатся расхищать казну без меры, а пока любой копейке рады.

У забора высокий джентльмен методично бил короткими ударами в живот толстяка в кепке, приговаривая злобно:

— Ты кого, Курдюк, кинул, гнида!

Отчего тот комично подпрыгивал, икая:

— Кастет, прости. Кастет, прости.

От компании к компании слонялся, грустно взирая на рождение нового мира, отец одного из коммерсантов, старый коммунист, ответственный номенклатурный работник на пенсии, и бубнил удивленно-презрительно:

— Чем вы тут занимаетесь?

И снова:

— И чем это вы тут занимаетесь, а?

Два мента искали Лекаря, завалившего из «калаша»

грузинского Вора с двумя абреками, а наткнулись на уркагана Вовдю и ну прессовать его у стены:

— Признавайся, нам все известно.

— Да что вам может быть известно?

— Что ты выпотрошил сейф.

— Какой нахрен сейф?

— В отдел его надо, иди, вызови воронок от Михалыча.

— Да не дает он нам звонить никогда, пошли пешком.

У входной двери в окружении шестерок блистали фиксами уголовные авторитеты: Самогон, Буржуй, Фома.

— Здорово, братва лихая, — приветствовали соискатели работенки знакомых.

— Здоровей видали, да ни за что срок впаяли.

— От работы каторжанской потеряешь вид жиганский.

В приемной, вокруг початой банки вина, три девицы в коротких юбках апатично закусывали порезанным на дольки яблоком.

— Да благословит Господь вашу трапезу, девчонки, — оживился Боцман.

Здесь же катала Пузогрей с запасным тузом в ладони охмурял в карты красного от напряжения бизнесмена из Одессы, пока Михалыч не видит. У картишек нет братишек.

В кабинете за одним столом Димон и Синоптик, сокурсники Михалыча по институту, составляли очередную смету на ремонт мягкой кровли и фасада. За другим — Михалыч, адвокат Даркин и председатель воинов-интернационалистов Гарик сочиняли характеристику и ходатайство о взятии на поруки, томящегося под следствием, головореза — Ваньки Бульдозера:

— Прекрасный семьянин, пользуется уважением в трудовом коллективе…

— Михалыч, возьми троих бойцов на работу, помявшись, подал голос Боцман, ты обещал вчера.

Крепкого вида парень со шрамом на лице, оторвался от печатной машинки, грустно осмотрел бригаду, похожую на вышедших из окружения партизан и вздохнул тяжко:

— Завтра в восемь с трудовыми книжками, у кого есть. Получите аванс и в командировку на месяц. Там у вас вся дурь выйдет. И продолжил печатать характеристику:

— Особенно необходимо отметить безмерную любовь к животным, тяжелое уголовное детство, острый недостаток витаминов в период полового созревания…

Принесли телеграмму из Мурманска от Славика. Пару слов и о нем, малость контуженном в Афгане.

Пригласили, не подумавши, Славика на один светский раут с

участием зарождающейся демократической элиты. То ли от недостатка культуры, то ли при виде приличного общества, но произошло у него там странное помутнение рассудка, выразившееся в следующих непотребных действиях.

Сначала он просто громко матом выражался, встревая в светские беседы. Потом украл со шведского стола две бутылки коньяка, раскатисто пукнул в ответ на замечание вести себя подобающим образом и смачно высморкался в салатницу с морепродуктами. Цепко ухватил одну важную даму за декольтированную грудь, другую за кокетливо оттопыренный зад и долго не отпускал, отбиваясь ногами от их возмущенных кавалеров. Без устали сигал, отплевываясь от охранников, вокруг стола, то вскакивая наверх, то ловко ныряя под низ, забрызгивая деликатесами визжащих гостей. Наконец, победно свистнув, выскользнул через черный ход и уехал к тетке в Мурманск, с которой наладил Михалычу поставки свежемороженой скумбрии.

За окном притарахтел на трофейном мотоцикле BMW 42-го года выпуска местный байкер Витя Щука — он у Михалыча дальнобойщиком на «СуперМАЗе» работал. Тут же образовалась толпа любопытных. Щука степенно снял немецкую каску и, оглаживая бороду, принялся демонстрировать интересующимся краник на бензобаке, с помощью которого двигатель прекрасно работал на любом топливе — от ацетона до солярки. Один неверующий даже побежал за керосином — проверить.

Витя просил рассказать о нем подробнее.

Щука — выхлопная труба

Еще работая в автоколонне, любил Витя колесить на государственном рефрижераторе по необъятным просторам нашей социалистической Родины в поисках левого заработка. Однажды на Кавказе загрузили его дети гор мандаринами и отправили выгружаться к землякам в Ростов. То ли заблудился Щука в лабиринтах дорожных, то ли почувствовал что-то неладное, но оказались мандарины в овощных магазинах Москвы, а Витя — дома с пачкой денег неправедных. Приезжали потом темпераментные джигиты пару раз, искали его быстроногого в автоколонне, крича: «Моя убытки понес», но не нашли, а тут и перестройка началась. Были в его жизни и побег на «КамАЗе» из чеченского плена, и возвращение пешком от литовской границы, и попытки украинских да белорусских таможенников конфисковать товар с машиной. Ну да леший с ним, демоном автотрассы.

Был у Щуки товарищ по рыбалке, пожилой любитель подледного лова — Толик Лохматый.

Трагедия Толика

Подшутили над Лохматым два знакомых практиканта из первой горбольницы. Внимательно осмотрели его со всех сторон, повздыхали, посовещались с кем-то по телефону и ошарашили пациента: «Почки ни к чёрту у вас от пива, дядь Толь, донора надо срочно искать поздоровей — иначе хана». Человек Толик был простой и принялся бегать по бандитам и спрашивать у каждого: «Отдай мне почку, тебя всё равно завалят скоро». И смотрит в глаза с надеждой. Ходил он весь синий за это, но не унимался бедолага — почка срочно нужна была ему. Вскоре, что удивительно, двоих и впрямь завалили на стрелке, и прослыл он вестником смерти (только что без косы). Как завидит его братва лихая, линяет по-рыхлому врассыпную, пока про почку поинтересоваться не успел. Так Толик тогда у рыбаков взялся почку просить, используя эффект неожиданности, те же не могут убежать, снасти бросить. Большой оригинал.

В один зимний студеный денек накатил Толик Лохматый чекушку, сидел, рыбачил возле лунки, да и примерз бедняга так, что встать не может. А морозы стояли большие, суровые. Все рыбачки давно по домам разбрелись, да и день неумолимо клонился к вечеру, а он подергался, подергался, да и преставился горемычный — царствие ему небесное. Так и просидел до весны заледеневший. Лишь редкие прохожие замечали глубокомысленно:

— Как удивительно долго сидит человек.

— Да-а, достаточно долго.

Весной сыновья приехали из Москвы и сдали его по блату в криогенную камеру на длительное хранение — может, в светлом будущем потомки и разморозят мужчину, чем ученые не шутят. Так что неизвестно, кому больше повезло.

* * *

Но вернемся к Саньке.

Ничего хорошего не светило ему в этой жизни бушующей. На кухне, пьяная тетя Света опять читала стихи под гогот собутыльников:

— Сижу я пьяная на лавке,
К мокрой попке липнут плавки,
Нос обмотан весь соплями,

Тушь засохла под глазами,
На туфлях нет каблука,
Юбка драная слегка,
Семь ногтей — как не бывало,
Блин, ну где же я бухала!

Многое изменилось в городе за время Санькиной отсидки. Во дворе встретил одноклассницу Олю в инвалидной коляске. Они с бабушкой Анисимовной хлебом птичек кормили. Не выдержала, заплакала бабушка, вспомнив, как бегали Санька с Олей по газонам, гоняя голубей сизокрылых. Рассказала, что прогрессирует болезнь чернобыльская, и ухудшается здоровье девочки. Правда, лечат таких успешно в Нидерландах, и сама в ОВИРе с загранпаспортами работает, но поют финансы грустные романсы под аккомпанемент прорабов перестройки.

По пути на рынок приметил Санька разъяренную толпу, штурмующую магазин. Доносился командный голос продавщицы:

— В очередь, сукины дети, в очередь!

Давали водку по талонам. Наряд милиции, пытаясь пропустить ветерана с орденами, окучивал дубинками тех, кто поближе, и брызгал в искаженные лица «Черемухой» из баллончиков. Никто не обращал на эти мелочи ни малейшего внимания. Прилично одетый гражданин в модной фетровой шляпе крикнул в отчаянии:

— Пропустите, я депутат!

Лучше бы он этого не говорил. Очередь тут же выдавила из себя инородное тело с фингалами на оба глаза, которое щурясь и обиженно сопя, принялось вылавливать палкой шляпу из грязной лужи. С черного входа к уборщице была очередь поменьше.

Но самое интересное ждало Саньку у «Промстройбанка».

Из банка вышли три вальяжных чеченца с серебристым кейсом, сели в «Мерседес» и поехали мимо Саньки, окатив его водой из лужи. Но недалеко. Дорогу им преградили на «КрАЗе» Компот с Евреем — завязалась драка с пальбой, крики про долг какой-то. А тут и менты на «Уазике» подкатили:

— Всем оставаться на своих местах, — кричат в матюгальник, — стрелять будем.

А из чего стрелять-то — из палок резиновых? Тут один чеченец, который посообразительней, схватил кейс и сиганул через кусты, но споткнулся о бордюр, угодив в заросли колючего шиповника, где зацепился, исцарапав в кровь лицо, и взвыл от боли на родном наречии. Кейс, о, провидение, спланировал через куст прямехонько к Санькиным ногам в драных кедах.

Не надо Саньку учить в тринадцать мальчишеских лет, как уходить незаметно дворами с чужим чемоданчиком под курткой. Выскочил он на параллельную улицу и тут же угодил под Михалычеву девятку:

— Дядь Юр, спаси, черные на хвосте! А сам кейс к груди прижимает и трясется весь. Отъехали подальше, распахнули чемоданчик, а там, сезам откройся, — долларов, дойчмарок, рублей дореформенных через край и пачка липовых авизо «Грозныйсоцбанка».

Так никто и не понял, куда делся кейс. Все почему-то на ментов подумали.

Знал Михалыч, что не принесут грязные деньги счастья, да и Санька, добрая душа, рассказал о необходимости лечения больной подружки, поэтому к отъезду в Нидерланды готовились быстро. Анисимовна справила должным образом себе, внучке и Саньке выездные документы, через горздравотдел перечислили в клинику деньги. Михалыч отвез их в Питер, где посадил на теплоход «Принцесса Анастасия», предварительно купив им на все деньги брюликов (камни таможенный контроль не различает), и позвонил голландскому партнеру по бизнесу Альфреду с просьбой встретить и помочь устроиться.

Они и сейчас, спустя двадцать лет перезваниваются, зовут к себе жить в Амстердам. Но милее Михалычу родные края: рыбалка, погосты с предками да купола золоченые. Жалуются, правда, что страдает благополучная Голландия от Санькиных воровских наклонностей и жалеет, что дала ему гражданство. Но это теперь ее проблемы.

Для начала — все. Если не верите, то непременно поезжайте в Брянск, предъявите эту книжку любому прохожему и спросите строго:

— Верно ли тут написано?

И вам ответят приличные люди:

— Чистая благородная правда.

© Юрий Котляров, 2013